

Ерулан КАНАПЬЯНОВ

«НА ВСЕХ ОДНА ПОБЕДА»

Цикл документальных рассказов

Генерал и солдат, летчик и пехотинец, танкист и матрос, артиллерист и санитар, разведчик и сапёр, партизан и подпольщик – вот неполный перечень военных профессий. Но все они – защитники Отечества, объединённые ёмким определением – победители.

ПУТЬ ВОИНА – ДОСТОИНСТВО И ЧЕСТЬ

Мажит Бураханов

...Выпускник Академии связи имени Подбельского старший лейтенант Мажит Бураханов шёл по Страстному бульвару. Конец мая, в Москве стояла солнечная погода, столичные бульвары наполнял запах сирени. Мажит оставался ещё под впечатлением от состоявшегося днём ранее вручения ему и другим выпускникам удостоверений об окончании Академии, которое прошло в торжественной обстановке с присутствием заместителя Наркома обороны. А сегодня воскресный день, после утренней зарядки и завтрака Мажит захотел побыть на свежем воздухе и пройтись по бульварам Москвы. Дойдя до Сретенского бульвара, решил немного передохнуть и присел на скамейку. Мажит поймал себя на мысли, что когда-то давно уже был на этом месте и так же сидел на скамейке. «Да, точно, это было в 1932 году. Скамейка, конечно, уже другая, новая, но та, старая, стояла именно на этом месте. Надо

же, ноги сами меня привели в это же место». Расположившись поудобнее, Мажит чуть прикрыл веки и погрузился в воспоминания.

...В 1921 году, когда ему было 9 лет, умер его отец Бурахан. Он хорошо помнил этот день. Проводить отца в последний путь пришел весь аул. Жизнь в то время была тяжёлой, степняки в аулах умирали рано от нищеты и болезней. Но всё же впроголодь люди не жили. У аулчан имелись лошади и мелкий рогатый скот, и жизнь ещё была относительно терпимой. Для девятилетнего Мажита ранний уход отца стал большой раной, но всё же рядом была ещё мама. Настоящее горе пришло через четыре года, когда она умерла, и он в тринадцатилетнем возрасте остался круглым сиротой. В этот же год его определили в детскую коммуну в Павлодаре. Жизнь в коммуне была непростой. Многие попавшие в неё 13-14-летние подростки, в основном сироты, были обозлёнными, но Мажит всегда умел постоять за себя.

Успешно окончив в 1931 году рабфак, Мажит был твёрдо убеждён в том, что нужно стремиться к знаниям и, не надеясь ни на кого, через самоотвер-

женный труд идти вперед. Имея в кармане небольшую сумму подъёмных денег, полученных им после окончания рабфака, он принял решение ехать в Москву. И без поддержки 19-летний Мажит Бураханов поступил в Московский институт цветных металлов и золота...

Сидя на скамейке, Мажит вспоминал, как в первый год учебы он упорно осваивал все учебные дисциплины. Не пропуская ни одной лекции, ни одного семинара, он дополнительно много занимался в библиотеке. Профессора, читавшие лекции в институте, были высокопрофессиональными специалистами, многие из них раньше работали в университетах дореволюционной России. Из всех педагогов больше всего Мажиту нравился профессор Николай Алексеевич Урусов, который читал лекции по горному делу. Каждая его лекция была образцом ораторского искусства и искусной подачи учебного материала. Николай Алексеевич никогда не скрывал своего дворянского происхождения. Он очень был добр к студентам, и они его любили. Мажит вспомнил, что как-то после завершения занятий он в числе пятерых своих однокурсников был направлен на разгрузку новых приборов и препаратов для институтской лаборатории. Когда всё оборудование было перенесено из автомашины в помещение лаборатории, руководивший всем этим процессом Урусов, поблагодарив ребят, отпустил четверых, а Мажиту сказал: «Я попрошу тебя задержаться ещё на час и помочь мне приклеить ярлычки на некоторые ящики». Профессор был в приподнятом настроении, много шутил. В один момент спросил: «Твоя фамилия Бураханов, значит, отца или деда звали Бурахан?» – «Отца». – «Бу-ра-хан, – произнёс протяжно Николай Алексеевич, сделав акцент на последнем слоге, и добавил: – А почему – хан, наверное, предки были ханами?» Немного помедлив, Мажит негромко ответил: «Я не знаю». Вскоре работа была завершена. Профессор с доброй улыбкой крепко пожал руку Мажита: «Молодец, ты мне очень помог»...

Завершался первый учебный год, Мажит имел хорошие результаты по всем дисциплинам. В один из воскресных дней, проходя мимо железнодорожного вокзала, Мажит увидел группу офицеров, разместившихся на скамейках. Один из них внимательно посмотрел на Мажита и направился к нему. Мажит узнал в нём своего земляка Жумабая, который был на несколько лет старше его. На Жумабае были лейтенантские погоны. Земляки тепло поздоровались, и Жумабай сообщил, что он в составе группы военных только что прибыл из Омска, и через несколько часов эшелоном они будут отправлены в район Ржева, где формируется новая военная часть.

Когда Мажит спросил Жумабая о том, давно ли он был в ауле и как поживают их родичи, взгляд у лейтенанта заметно погрузтел. Жумабай оглянулся на своих сослуживцев, затем шепнул: «Отойдём в сторонку». Зайдя за угол, Жумабай начал свой печальный рассказ: «Слушай, братишка, дела в ауле совсем плохие. Прошлой зимой был сильный джут, много погибло скота. А весь уцелевший скот угнали ГПУшники. Сейчас в степном краю стоит страшный голод. Почти третья часть нашего аула погибла от голода. Я два года учился в Омске, месяц назад получил звание лейтенанта и сейчас направлен в новую военную часть. Если бы не погоны, то я вернулся бы в аул и как-то помог родичам. Но сейчас, если брошу службу и уеду, меня просто расстреляют». Затем Жумабай продолжил рассказывать о бедствиях людей, о тех, кого уже нет в живых, и о тех, кто ещё каким-то образом перебивается. «Твоя сестра жива, но всем в ауле сейчас очень тяжело», – сказал Жумабай. «А как Исахан с Мусаханом?» – спросил Мажит о своих младших двоюродных братьях. Жумабай, понизив голос, негромко сказал: «Их отца Канапию-кажы несколько месяцев назад арестовали и отправили в Павлодарскую тюрьму, обвинив его в том, что он совершил хадж

в Мекку. А его двух сыновей-подростков вроде приютила какая-то женщина в ауле». Жумабай поправил ремень на гимнастёрке и со словами: «Мне пора, а то старший группы, наверное, меня потерял» попрощался и быстрым шагом направился к своим сослуживцам.

Рассказ земляка произвел на Мажита гнетущее впечатление. Он шёл по бульвару и присел на скамейку. Тяжкие думы одолевали двадцатилетнего парня. Из обрывков разговоров в общежитии он слышал, что зимой в степи был джуг, но всей правды не знал никто. В газетах о голоде в разных регионах страны не сообщалось. В редких письмах от родных, которые, кстати, последние три-четыре месяца вообще перестали приходить, ничего о бедствиях не говорилось. Видимо, работала цензура, а некоторые письма соответствующими органами просто изымались. Размышляя о сложившемся положении, Мажит осознавал, что он сейчас стоит перед выбором между двумя решениями. Первое – остаться в Москве и продолжить учёбу. Ему очень этого хотелось. Год назад он приехал в Москву и полюбил этот город. Поступив в замечательный вуз, он с головой окунулся в учёбу и в общественную жизнь. Ему выделили место в общежитии, где он жил с такими же молодыми, стремящимися к знаниям людьми с Урала и Сибири, с Закавказья и Белоруссии. Продолжив учёбу, он может через четыре года окончить институт, и тогда перед ним, 24-летним дипломированным специалистом, все дороги будут открыты... Думая обо всём этом, Мажит задал себе вопрос: «Но если я останусь и этим самым в определенной степени предам своих родичей, которые сейчас в беде, то как потом с этим жить?» Такую вот мучительную дилемму надо было решить молодому Мажиту... И он сделал свой выбор, который поднял его на высоту человеческих ценностей и таких понятий, как долг и честь, мужество и достоинство.

Мажит начал думать о том, как же об этом сообщить в институте. Он же не может просто бросить учёбу и, никому не сказав, уехать. В этом случае его могут обвинить в чём угодно. «Нужно посоветоваться с Николаем Алексеевичем», – мелькнула мысль, и он решительным шагом двинулся в сторону Волхонки. Мажит знал, где жил профессор, потому что два раза приходил к Урусову по его же приглашению, чтобы взять книжные пособия по горному делу, которых не было в институтской библиотеке. Кроме Мажита, книгами из личного собрания профессора пользовались и некоторые другие студенты...

Мажит нажал на кнопку звонка. Дверь открыл сам Николай Алексеевич, одетый в домашний халат. Урусов находился в благодушном настроении: «О, Бураханов, милости просим!» Проницательный профессор увидел, что лицо молодого человека напряжено, а взгляд выражает работу мысли и какую-то решимость. «Что случилось?» – сказал приглашающим к откровенности голосом Николай Алексеевич и предложил Бураханову присесть на диван. Мажит коротко изложил ему рассказ земляка о страшном голоде в Казахстане и, сказав: «Я должен быть там, рядом со своими родными», замолчал. Урусов посерьёзnel, прошёлся по комнате. «Да, ужасное время! По моим сведениям, сейчас голод не только у вас в Казахстане, но и в Поволжье, и на Украине». – «Николай Алексеевич, подскажите, пожалуйста, как мне лучше, в какой форме сообщить о моём решении в учебную часть», – попросил Мажит. Взгляд Урусова стал сосредоточенным, и, глядя в глаза студенту, он начал говорить, делая акцент на каждом слове, как будто давал строгую инструкцию: «Слушай меня внимательно. Ты ни в коем случае не должен писать в заявлении, что едешь в Казахстан спасать людей от голода. За это третий отдел может тебя привлечь за распространение слухов, паники, за клевету на Советскую власть и так далее. По уставу высшей школы студент имеет право на академический отпуск в связи с болезнью

близких родственников – матери, отца, брата, сестры. У тебя живы родители?» – «Нет, есть только младшая сестра», – ответил Мажит. «Так вот, – продолжил профессор, – напиши в заявлении, что нуждаешься в отпуске в связи с болезнью сестры. Большой грех на себя этим не возмёшь. С таким голодом в твоих краях, наверное, все твои родные не очень-то здоровы. Ни с кем о своём решении в общепитии не разговаривай, придержишься только официальной версии твоего отъезда. Завтра утром сходи в учебную часть и напиши заявление. Я тебе помогу, чтобы приказ об академическом отпуске вышел как можно быстрее. Я уважаю твоё решение, это достойный шаг». – «Спасибо, – с благодарностью в глазах сказал Мажит. Затем, немного помолчав, вновь обратился к профессору: – Николай Алексеевич, я хотел бы попросить у Вас извинения». – «За что?» – вскинул брови Урусов. «В прошлый раз, когда Вы спрашивали меня о моих дедах, я Вам сказал неправду. По происхождению я чингизид. Да, действительно, мои предки были ханами». – «А, так мы, голубчик, должны друг к другу обращаться на “Ваше сиятельство”!» – воскликнул Николай Алексеевич и, чтобы как-то приободрить Мажита, снова перешёл на полувесёлый, добродушный тон...

«Всего девять лет прошло, – думал про себя Бураханов. – А сколько много жизненных событий уместилось в этот период».

...В том 1932 году, оформив академический отпуск, он в течение двух недель, с пересадками, по железной дороге добирался до Омска и к середине июня прибыл в родной аул. Когда поезд отъезжал от Казанского вокзала, Мажит стоял в тамбуре и с грустью смотрел на удаляющуюся Москву. В тот момент он говорил себе: «Я ещё вернусь в этот город!»

Приехав в аул и разобравшись в ситуации, он понял, что джут, конечно, сделал свое чёрное дело, погибло много скота, но были и другие причины разыгравшейся трагедии. Одна из них – неумение степняков заготавливать корм и сено на зиму для лошадей и скота. Аулчане вели традиционный кочевой выпас. Также налицо было полное отсутствие выращивания каких-либо плодово-овощных культур. Но самым главным бедствием был произвол и беззаконие местных властей, которые под предлогом коллективизации забрали последний скот у бедняков и тем самым обрекли людей на голодное существование. И в этой ситуации Мажит принял единственно правильное решение – вывезти всех родичей в соседнюю Омскую область и создать там фермерское хозяйство. Он руководствовался следующим. Прежде всего, русское население в соседнем Любинском районе Омской области было оседлым и выращивало пшеницу и картофель. Но самое главное, что на те регионы уже формально не распространялась власть установившегося в Казахстане голощёкинського режима. О том, с какими целями был направлен в Казахскую степь в 30-е годы этот убийца царя и всей царской семьи, – тема отдельного повествования...

Мажит собрал всех мужчин и объявил о своём решении. Часть аулчан, почувствовав в Мажите силу, поддержала его, но некоторые были категорически против. Третья, инертная, часть, по своей природной лени смирившаяся с безысходностью, ничего не хотела делать. На призывы Мажита они отвечали, что такова их участь и что они умрут на родной земле. От таких настроений Мажит пришел в негодование. Он встал со своего места и с гневом и болью в голосе начал говорить:

– Все слушайте меня! Умереть – дело нехитрое, и так сколько народа полегло! Я ещё могу понять, когда так говорит старик. А когда я слышу это от сорокалетних мужчин – я никогда с этим не соглашусь. Когда руки и ноги целы, когда есть хоть какие-то силы, надо стремиться выжить. Нужно работать со всей отдачей, чтобы прокормить наших детей, чтобы выжил наш род! Снимемся с

этих мест на какие-нибудь три-четыре года, а затем, если всё сладится, вернёмся обратно, в родные места. Даю всем два дня на сборы, послезавтра на заре выходим в путь. Вы должны мне верить. Я и все мы вместе спасём себя и всех людей от голода...

И он сделает это. Договорившись с уездным начальством Любинского района, Мажит разместил своих людей недалеко от села Марьяновка и создал ферму. Он умело распределил всех мужчин и женщин, а также подростков, по группам, которые занимались различными видами работ. Часть людей, в основном женщины, выращивали картофель. Крепких мужчин он отправил на вырубку леса, предварительно получив разрешение на лесозаготовку в Омском леспромхозе. Часть заготовленных дров Мажит менял в русских селеньях на муку. В первый год он запретил резать на мясо имевшихся у них двух коров, чтобы для детей хоть в небольшом количестве было молоко... Через три года люди вернулись в родные места. С тех пор к Мажиту Бураханову все его родичи — и стар, и млад относились с большим уважением, как к человеку с непрекаемым авторитетом.

В конце 1934 года Мажита призвали на военную службу, и, окончив курсы лейтенантов в 1936 году, он поступил в Военную Академию связи имени Подбельского, которую окончил в мае 1941 года.

...Время близилось к обеду. Мимо Мажита вдоль бульвара прошла группа весёлых девушек в цветастых платьях. Одна из них, похожая на татарку, с огоньком в глазах, бросила на ходу своим подружкам: «Смотрите, девочки, какой старший лейтенант сидит задумчивый». Девушки приняли её шутливый тон и засмеялись. Мажит, очнувшись от своих мыслей, ничего не сказав, посмотрел с доброй улыбкой им вслед. «Да, прошло девять лет, и вот я снова здесь, в главном городе страны», — говорил себе Мажит. Мысли Мажита были о том, что он офицер, а со вчерашнего дня выпускник Академии, что все дороги перед ним открыты. А ещё о том, что, учась в Академии, он встретил свою любимую Веру, к которой воспылал всей душой. Вера Яковлевна ответила ему взаимностью, и они поженились. А совсем недавно она ему призналась, что у них будет ребенок. «Как хорошо, что самые страшные годы голода и лишений позади, — думал про себя Мажит. — Жизнь действительно налаживается». Вчера замначальника академии сказал, что Мажита направят служить в спецгруппу по обеспечению связи при Главном штабе Наркомата обороны. «Хорошо бы в конце лета взять двухнедельный отпуск, съездить в Казахстан, показать Вере родные края!» Но не знал Мажит, что ровно через месяц, 22 июня 1941 года, война внесёт свои жёсткие коррективы не только в его планы, но и в судьбы миллионов и миллионов людей.

Мажит Бураханов пройдёт фронтовыми дорогами от Москвы до Берлина и закончит войну в звании подполковника. Много раз он смотрел смерти в лицо. И когда под Сталинградом, прокладывая связь вместе с группой морских пехотинцев, пойдёт в штыковую атаку, — в этом бою он заменит погибшего командира, поведёт бойцов вперёд и получит штыковое ранение в голову. И когда военно-транспортный самолёт с группой связистов при заходе на посадку на высоте ста метров будет сбит немецкой артиллерией, — Мажит выпрыгнет из падающего самолёта и, «планируя» полами полущубка, упадёт в глубокий снег, получит сильные ушибы, но останется жив. И ещё десятки раз, когда нужно будет прокладывать связь непосредственно на передовой под огнем противника.

За время войны он будет награждён двумя орденами Красной Звезды, двумя орденами Отечественной войны, многими медалями. И первый орден получит в самом начале войны, летом 1941 года.

Вот выдержки только из одного представления командования к правительственной награде:

«Тов. Бураханов – честный, добросовестный, исполнительный командир. На всём протяжении действия корпуса и на всех направлениях связь работала бесперебойно. Связь с частями на северо-западном фронте и на Сталинградском фронте работала без перерыва – этим самым Бураханов дал полную возможность управлять войсками...

Лично смел, работает в любых условиях преодоления трудностей...»

После этого представления командующий Южным фронтом генерал-полковник (будущий маршал) Малиновский своим приказом наградил Мажита Бураханова орденом Отечественной войны...

В военных архивах сохранились и другие документы, связанные с боевыми заслугами М. Бураханова – представления к наградам, характеристики командиров частей, наградные листы, приказы командующих фронтами. И в каждом из них красной нитью проходит оценка таких его качеств, как честность, добросовестность, смелость, высокий профессионализм. В одном из отзывов командира части прямо говорится о том, что если на каком-то участке связь работала плохо или была нарушена, то именно там можно было видеть Бураханова, который лично сам со своими подчинёнными под огнём врага быстро восстанавливал связь. Бесстрашный офицер, находясь всю войну на передовой, мог погибнуть в любой момент, но уберегли его аруахи. Духи предков возлюбили его с того мгновенья, когда их 21-летний потомок принял достойнейшее решение и усилием воли спас свой род от вымирания. Он был Победителем и в той схватке за выживание, и с этой самой страшной и жестокой войны он вернулся Победителем.

И в мирной послевоенной жизни Мажит Бураханович был всегда на передовой. После войны его назначили заместителем министра связи Казахстана, а с начала 50-х годов полковник Бураханов являлся одним из руководителей секретного военного полигона, занимавшегося установлением космической связи и строительством космодрома Байконур.

...10 марта 1974 года генерал Устюменко в 8:00 утра прибыл в военную комендатуру Москвы и зашёл в кабинет заместителя коменданта по общим вопросам. Подполковник пригласил Устюменко присесть: «Слушаю вас, товарищ генерал». – «Перейду сразу к делу, – ответил Александр Иванович. – Завтра в 12:00 мне нужно отделение бойцов с оружием для произведения прощального залпа при захоронении участника войны, моего боевого товарища». – «Кого будете хоронить?» – задал вопрос замкоменданта. «Полковника Бураханова», – ответил Александр Иванович. «К сожалению, предоставить бойцов не могу. В соответствии с распоряжением коменданта, предоставление солдат с оружием для произведения ритуальных залпов на московских кладбищах рекомендовано при захоронениях военнослужащих, имевших звание не ниже генерал-майора». У Устюменко заходили желваки. Он медленно встал и посмотрел на подполковника тем взглядом, который может быть только у фронтовика, не раз смотревшего смерти в лицо. Затем, глядя ему в глаза, он хриплым, но внушительным голосом произнёс: «Слушай меня, подполковник! Рекомендовано – не значит запрещено, как я понимаю. Этот полковник стоит нескольких генералов. Мы с ним прошли от Москвы до Берлина. И не дай Бог ты завтра не пришлешь бойцов к 12:00 на Бабушкинское кладбище!»

...День выдался прохладным. Ритуальные процедуры, связанные с захоронением, шли к завершению. После третьего прощального залпа люди стали

расходиться. Устюменко стоял в сторонке и ждал, когда все уйдут, чтобы побыть одному на могиле своего боевого друга. К нему подошёл молоденький лейтенант, командир отделения солдат: «Товарищ генерал, разрешите обратиться?» – «Разрешаю». – «Разрешите бойцам возвратиться в часть?» – «Разрешаю», – вновь ответил генерал. «Товарищ генерал, а каким был полковник Бураханов?» – неожиданно задал вопрос лейтенант. Устюменко повернулся к молодому офицеру всем корпусом, внимательно посмотрел в его глаза и сказал: «Он был Человеком чести – Чести офицерской и людской...»

СТЕПНОЙ МОТИВ СОЛДАТА

Сафабек Нургалиев

...Натянув поводья, Сафабек остановил коня и, путив его пастись, прилёг на траву у берёзовой роицы. Родившийся в Кустанайской области на вольных просторах Сары-Арки, он любил свой край, свою малую Родину. Сафабек прикрыв веки и погрузился в воспоминания. Когда ему было лет восемь-девять, в их аул прибыли военные и стали забирать взрослых парней с собой. Женщины плакали, не отпуская своих сыновей, причитая, что их забирают на войну. Так в первый раз он услышал слово «война». Позднее он узнает, что тогда царское правительство забирало мужчин из аулов на тыловые работы. Когда ему было десять, в 1916 году, в Тургайской степи вспыхнуло восстание казахов, а ещё через год, в 1917-м, старики шептались в ауле о том, что акпатши (царя) больше нет, и спрашивали друг у друга: «Что теперь будет?»

Сафабек перебирал в памяти последующие события. Вспомнил тяжелый 1932 год, когда был страшный джунт, погибло много народа. Но, слава Всевышнему, его отец Нургали сумел уберечь семью от голода. «Сейчас всё это позади, жизнь налаживается», – думал Сафабек. Ему недавно исполнилось 34 года, он ещё молодой, но уже зрелый мужчина и крепко стоит на ногах. Несколько лет назад он встретил замечательную девушку Камал, которую полюбил всем сердцем, и она ответила ему взаимностью. Когда он увидел Камал в первый раз, то сразу же вспыхнул к ней светлым чувством. У неё красивое смуглое лицо с большими миндалевидными глазами, она высокая, статная, со стройной, хорошо сложенной фигурой... Сейчас, подумав о Камал, он вспомнил, что она вот-вот должна родить ребенка.

Приподнявшись на локтях, он увидел, что солнце уже клонится к закату. Сел на коня и тронулся в сторону аула. Не проехав и версты, увидел, что двое аульных мальчишек, скачут ему навстречу. Старший из ребят весело крикнул: «Суюнши, ага! У вас сын родился!»

Сыну дали имя Бахыткерей. Он сразу решил, что у сына будет двойное имя, так как знал, что в старину в степи у многих мужчин имена были двойными. При этом он считал, что в имени сына обязательно должно присутствовать слово «бахыт» (счастье), – Сафабек очень хотел, чтобы сын и его

поколение было счастливым. А вторая составляющая имени была «керей». Хотя сам Сафабек был родом из кипчаков, но много в их краях проживало людей из рода керей, и они очень нравились Сафабеку. Например, Курманбай-ага из их аула. А к сыну Курманбая Дюсену, который был на десять лет его младше, Сафабек относился как к братишке. Одним словом, молодой отец принял решение и нарёк сына Бахыткереем...

Следующим летом, когда сыну едва исполнился один год, пришло страшное известие – война, а ещё через полгода, в январе 1942-го, Сафабек Нургалиев получил повестку на фронт. В день отправки Сафабек поднялся рано, увидел, что Камал уже приготовила ему чай на дорогу. Сев за стол, он попросил её сесть напротив. За окном стояло морозное январское утро. Они сидели, смотрели друг другу в глаза и молчали. Проснувшись, к Сафабеку подбежал сын. Сафабек посадил его на колени. У Камал заблестели глаза. Прижимая к себе ребёнка, он поднялся, поцеловал его в лобик, затем обнял жену и со словами: «Мне пора», – решительно вышел из дома. Не оборачиваясь, он направился в сторону большака...

...Призванный в конце января 1942 года на фронт Сафабек Нургалиев уже в начале марта попал на передовую. К тому времени прошло всего восемь месяцев с начала войны. Красная Армия отступала на всех фронтах. Младший лейтенант С. Нургалиев был назначен командиром взвода 315-го полка 19-й стрелковой дивизии. Находясь постоянно на передовой, С. Нургалиев и его подразделение прошли через пекло ожесточённых боев. В конце 1942 года Сафабек за проявленное мужество был награжден медалью «За отвагу».

В архивах сохранилось представление командования к награде.

«Тов. Нургалиев в боях против немецких оккупантов показал себя смелым и мужественным командиром.

В боях за деревню Лаптево тов. Нургалиев, командуя стрелковым взводом, умело управлял боем своего взвода. Подтянув бойцов своего взвода к окопам противника, тов. Нургалиев выдвинулся вперёд и открыл шквальный огонь из ручного пулемёта по противнику, чем обеспечил продвижение бойцов взвода вперёд.

За время боев с 6 по 11 декабря 1942 года тов. Нургалиев сам лично уничтожил 13 фашистских солдат.

За проявленную отвагу и мужество тов. Нургалиев достоин правительственной награды – медали “За отвагу”.

К марту 1943 года 315-й стрелковый полк, где служил С. Нургалиев, дислоцировался в окрестностях Харькова. С 4 по 25 марта 1943 года в этих местах шли кровопролитные сражения, вошедшие в историю Великой Отечественной войны как Харьковская оборонительная операция. Из архивных данных можно представить, какие силы бросил враг на наших бойцов.

«10 марта части 19-й сд вступили в бой. 315-й полк держал оборону на участке посёлок Северный Пост – северная окраина Залютино.

10-11 марта полк успешно отражал все атаки частей танковой дивизии СС “Адольф Гитлер”. При этом 11 марта, после того как дополнительно появились части танковой дивизии СС “Лейбштандарт” (штурмгруппа Сандига), Северный пост переходил из рук в руки. В этот день погиб капитан Демченко – командир 2-го батальона 215-й сп. В ротах батальона оставалось по 40-45 бойцов.

В ночь с 11 на 12 марта 315-й полк отступил в район Южного вокзала. Вокзал опять-таки в течение дня переходил из рук в руки. Вечером 12 марта вокзал пришлось оставить.

Утром 13 марта части 19-й стрелковой дивизии оборонялись в устье реки Лопань и г. Харьков, фронтом на север и северо-запад. Рано утром части уже дивизии СС "Райх" перешли в наступление с целью форсировать реку Лопань юго-восточнее Южного вокзала.

Чтобы не допустить выхода противника в тыл частям 19-й стрелковой дивизии в районе Основы, генерал-майор Е. Е. Белов в районе 15 часов 13 марта выдвинул в район хутора Котляры 86-ю отдельную танковую бригаду и один батальон 315-го стрелкового полка 19-й дивизии».

...Прислонившись к дереву, Сафабек сидел на ящике от патронов. Был поздний вечер 12 марта 1943 года. За три дня ожесточённых, практически непрерывных боев он, как и все его бойцы, почернел от копоти и дыма. За последнюю неделю из 28 человек его взвода осталось в живых десять. Вечер был на редкость тихий, с реки дул лёгкий, не пронизывающий ветерок. Сафабек прикрыл глаза и неожиданно для себя непроизвольно затыкнул старый кипчакский мотив. Под этот степной напев он вспоминал свои родные края, свою Сары-Арку, свою любимую Камал, своего маленького сына...

На следующее утро 13 марта в 6 часов утра отборные войска дивизии СС «Райх» перешли в наступление. За час до этого комбат собрал командиров рот и взводов и коротко сказал: «Мы сумели отбить атаки двух танковых дивизий. Половина бойцов полка погибла смертью героев. Не посрамим же и мы себя сегодня».

Сафабек и оставшиеся бойцы его взвода залегли за небольшим заграждением, сделанным на скорую руку из нескольких столбов и ящиков от боеприпасов. У Сафабека было достаточно патронов для ручного пулемёта. Когда немцы пошли в атаку, он умело короткими очередями косил их ряды. Если видел скученность среди нападавших, то открывал шквальный огонь, стремясь уничтожить побольше фашистов. Но силы были явно неравны... В какой-то момент, посмотрев по сторонам, он понял, что в живых от взвода остались только он и ещё один молодой боец. Он немедленно скомандовал: «Пробивайся к позиции первого батальона, он прикрыт артиллерией». Через мгновение, увидев приближающихся немцев, крикнул: «Выполняй приказ!» – и вновь открыл огонь из своего пулемёта. Вдруг он почувствовал жгущую острую боль и осознал, что это от попавшей в него вражеской пули. В следующий момент прозвучала глухая пулемётная очередь, прошившая тело степняка. Усилием воли Сафабек перевернулся на спину, чтобы посмотреть на небо...

Прикрыв веки, он в полузабытии видел, как скачет на коне, а рядом скачут аульные мальчишки, которые только что ему сказали, что у него родился сын. Это был самый счастливый день в его жизни... Далее видения сменялись, он чувствовал явственно, что сидит в седле, что у его коня выросли крылья, и конь, оторвавшись от земли, уже парит в небесах...

Вечная память и слава.

Р. С. Сафабек Нургалиев похоронен в братской могиле на украинской земле под Харьковом.

ВРАЧ НА ВОЙНЕ

...Было начало лета. В субботний день Дюсен возвращался из института. Он любил ходить пешком по этому городу. Приехав сюда шесть лет назад из Кустанайской области, он полюбил Алма-Ату. Дюсен шёл по проспекту Сталина и наслаждался городскими пейзажами, а особенно красотой и разнообра-

зием зелени, сиянием гор, журчанием арыка. Конечно, он с теплотой относился и к тем местам, где он родился – раздольной Сары-Арке. Но Алма-Ата, где прошли его студенческие годы, была особенно дорога ему. Дорога ещё и потому, что в этом городе он встретил свою любимую Назифу.

Назифа родом из Баянаула. Её отец, Абиkey Сатпаев, являлся старшим братом и наставником Каныша Имантаевича Сатпаева. Он был одним из первых интеллигентов-казахов начала прошлого века и входил в состав правительства Алаш-Орды. В 1938 году был репрессирован и расстрелян. Назифа получила хорошее образование. У неё был красивый голос, и она замечательно пела. Владела английским языком, что в Казахстане в 40-х годах прошлого века было редкостью. Работала преподавателем иностранного языка.

Дюсен Кудабаяев

...Дюсен в течение последних нескольких недель успешно сдал все государственные экзамены, и сегодня в институте объявили, что через пять дней должно состояться вручение дипломов. Сейчас, когда он шёл пешком из института, его беспокоило состояние любимой. Назифа уже с утра находится в роддоме. Дюсен ускорил шаг... «Да. Родила. Девочку...» – это всё, что он услышал. Радости его не было границ. «Моя дочь родилась 21 июня. А завтра – воскресенье. Нужно сразу же утром сходить к Назифе». ...А завтра была война... Да, этот завтрашний день, 22 июня 1941 года, жестоко изменил судьбы миллионов людей, не только Дюсена...

Дюсен Кудабаяев с группой других выпускников мединститута в первые же дни войны был направлен на краткосрочные курсы военврачей в Ташкент. Он даже не успел дать имя дочери и уже из Ташкента телеграфировал семье и просил Назифу назвать дочь Светланой. Позже его отправили полковым военврачом на фронт. А это значит, что 24-летнему вчерашнему выпускнику лечфака мединститута пришлось осваивать врачебную практику, как говорится, на «поле боя». И не дай Бог иметь когда-нибудь такую практику нынешним молодым медикам!

За два года, к концу 1943-го, ему пришлось сделать столько хирургических операций, сколько в мирное время не всегда делает врач-хирург за всю свою служебную практику. Операции проводились в тяжелейших условиях, при нехватке медикаментов и обезболивающих препаратов. Как полковому врачу, Д. Кудабаяеву приходилось оказывать помощь на передовой, под огнём противника. Во время боёв он сам был дважды ранен.

К концу 1943 года 26-летний Дюсен Кудабаяев, пройдя через пекло первых двух лет войны, был старшим врачом истребительного противотанкового артиллерийского полка, имел звание военврача III ранга и был награждён несколькими медалями. В феврале 1944 года Д. Кудабаяев награждён орденом Красной Звезды.

В архивах штаба 1-го Украинского фронта сохранилось представление командования к награждению:

«В боях с немецкими захватчиками военврач III ранга Кудабает Д. К. показал образцы мужества и отваги.

За период наступательных боев с 17 августа 1943 года в условиях большой маневренности полка возвратил в строй 25 человек рядового и сержантского состава, чем способствовал сохранению боевых кадров полка.

Лично неоднократно оказывал первую помощь непосредственно на поле боя. Особенно проявил себя в бою 15 января 1944 года, при отражении контратаки противника под артиллерийским огнём, своевременно оказав первую помощь 5 раненым бойцам, чем спас их жизнь».

В начале 1945 года 27-летний военврач получает звание майора медицинской службы и, продолжая находиться на передовой, доходит до Берлина. За проявленные доблесть и мужество в мае 1945 года приказом командующего 60-й армией 1-го Украинского фронта Д. Кудабает награждён орденом Отечественной войны II степени.

Вот сохранившаяся в архивах выписка из наградного листа:

«В боях с немецкими захватчиками проявил образцы мужества и отваги. За период наступательных операций полка с 12 января по 9 мая 1945 года оказал первую врачебную помощь 117 раненым бойцам, из них: 35 тяжелораненых. Организовал срочную эвакуацию. Из общего числа раненых 39 рядовых, сержантов и 4 офицера вернул в строй без эвакуации в тыловые госпитали. Тем самым способствовал сохранению боеспособности полка».

Хотелось бы особенно подчеркнуть, что Дюсен Курманбаевич ни одного дня не работал в тыловом госпитале или вдали от линии фронта. Всю войну до Берлина он был на передовой, у линии огня.

Вот один из эпизодов его фронтовых будней.

В середине 1943 года полк, в котором служил Дюсен, дислоцировался на Украине, где в тот период шли ожесточенные бои. Полевой лазарет развернули непосредственно у линии фронта. За предыдущие два дня боев лазарет был заполнен ранеными. Среди них – и легко раненые, и тяжелораненые. В подчинении у старшего военврача Кудабаета было два врача и около двух десятков медсестер и санитаров. Медики трудились вторые сутки с перерывом на сон в полтора-два часа. При ночном обходе раненых в 21:00 к Дюсену подошла старшая медсестра и сказала:

– Товарищ военврач, вас очень просит подойти доставленный сегодня утром с поля боя сержант из первого отсека.

Зайдя в первый отсек, Кудабает вспомнил, что осматривал этого бойца днём. Жизненно важные органы у этого молодого парня были целы, но наблюдалось очень сложное осколочное ранение ноги: практически вся голень ниже колена представляла собой кровавое месиво. При дневном обходе он дал команду старшей медсестре готовить на 01:30 ночи операцию по ампутации. Военврач увидел, что боец в полном сознании, но только очень взволнован и напряжен.

– Доктор, мне нельзя без ноги. Я же казак, со станицы. Как же я на коня сяду? А как же я без коня?!

Мысль о том, что к раненым солдатам война поворачивалась ещё одной своей чудовищной стороной, постоянно преследовала Дюсена. Во время ожесточённых боёв полевые лазареты были полны тяжелоранеными. Военным медикам приходилось делать операции днём и ночью. И нередко врачи вставали перед страшным выбором, особенно когда дело касалось конечностей. Иногда, при тяжёлых ранениях рук и ног, теоретически существовала возможность провести многочасовую операцию с участием двух и более врачей и на-

деяться на успех. Но если операция займёт семь-восемь часов, то за это время могут погибнуть из-за потери крови либо из-за несвоевременного извлечения пули или осколков несколько человек. Принимать решение приходилось врачам. Либо всю ночь заниматься одним раненым, и при этом к утру погибнут ещё трое-четверо, не дождавшиеся своевременной помощи, либо срочно ампутировать конечность бойцу, чтобы не началась гангрена, и при этом успеть помочь остальным тяжелораненым – в итоге один человек становится инвалидом, но остаётся живым, однако спасены и другие жизни. Врачи выбирали меньшее из зол. Страшный выбор.

...Военврач внимательно посмотрел на раненого:

– Сколько тебе лет?

– Двадцать.

Кудабаев откинул край одеяла и, ещё раз осмотрев ногу, отметил про себя, что медсестры все сделали правильно, но даже если принять решение оперировать с целью сохранения конечности – шансов очень мало. Военврач вышел из отсека и вызвал старшую медсестру и двух имеющихся в его распоряжении врачей. Лазарет напоминал улей, где из отсека в отсек бегали медсестры и санитары – перевязывали раненых, носили им воду и медикаменты, ассистировали при операциях, выполняли другие предписания врачей.

Когда вызванные люди подошли, Дюсен спросил у старшей медсестры:

– Сколько на эту ночь запланировано операций?

– Семь, – услышал он в ответ. – Пять средней сложности по извлечению пуль, одна сложная – с тяжёлым осколочным ранением и одна – ампутация.

– Слушайте меня внимательно, – отдавал распоряжения Кудабаев, – сейчас бой не ведётся и до утра вряд ли к нам поступят новые раненые.

Затем, обращаясь к двум врачам, сказал:

– На каждом из вас по две средней сложности операции. Я думаю, вы их завершите до полуночи. А затем мой приказ – отдыхать. Утром вы мне нужны со свежими силами.

Далее, повернувшись к старшей медсестре, уточнил:

– Мой график следующий – подготовить на 22:00 среднесложную операцию, на 23:00 – сложную осколочную. На неё, наверное, мне понадобится около двух часов. И тогда на 01:00 ночи – операцию на голеностопе. Ампутацию – отменить. Всё, идите.

Два врача быстро удалились, старшая медсестра не уходила.

– Что у вас ещё? – взглянул на неё Кудабаев.

– Товарищ военврач, вы и так вторые сутки не спите, – обратилась она к нему.

– Товарищ старшая медсестра, прошу приступить к исполнению моего распоряжения, – сказал Кудабаев, вставая со стула.

– Ну, Дюсен Курманбаевич, – пыталась настаивать уважающая своего начальника медсестра, на плечах которой лежало все хозяйство лазарета.

Военврач подошёл к ней и уже мягче произнёс:

– Сестричка, выспимся после войны.

Дюсен, как и планировал, завершил первые две операции примерно к часу ночи и сидел теперь за рабочим столом, чтобы пять-десять минут отдохнуть перед третьей. Ладони он опустил в ёмкость с тёплой водой – снять с рук усталость. Ещё до первой операции он дал задание одному санитару, чтобы тот сходил в хоззвод. При хоззводе было несколько лошадей, и санитар должен был принести военврачу примерно три десятка конских волос, срезав их из гривы коня. И сейчас на краю стола военврач увидел банку с конским волосом внутри.

У вошедшей в отсек старшей медсестры военврач спросил:

– Как у нас ситуация со спиртом?

– Плохо, нет ни капли. Я уже жаловалась замкомполка по снабжению. Обещают на днях доставить, – ответила медсестра.

Кудабаев достал из стола свою личную фляжку и для дезинфекции вылил из неё всё содержимое в банку с конским волосом, отметив про себя, что во фляжке было около 200 граммов спирта. Взяв банку, пошёл в первый отсек.

Боец был уже подготовлен к операции, возле него находилась медсестра-ассистент. Военврач по привычке посмотрел на разложенные под марлей хирургические инструменты: всё необходимое подготовлено. Подождя пять минут, вытащил конский волос из банки и выложил рядом с инструментами.

– Ну что, начнём, – обратился он к медсестре и, прежде чем взять хирургический нож, протянул медсестре ту же банку со спиртом, но уже без конского волоса: – Пусть выпьет, – и приступил к делу.

Сначала он занялся самым суставом, то есть основной костью, и мелкими костями голеностопа, в котором наблюдалось несколько сложных переломов со смещениями. Сбрав костный каркас голеностопа, он перевязал его в нужных местах конским волосом. Затем занялся сухожилиями, зашивая их также конским волосом, вдетым в иглу. При этом постоянно обрабатывал все раны. И когда уже заканчивал работать с мягкими тканями и медсестра приступила к бинтованию и наложению шин, на часах было 05:50 утра.

Во второй половине дня военврач снова зашел в первый отсек к прооперированному бойцу.

– Сделал всё, что мог. Закрепил твои суставы конским волосом. Так в старину в степи знахари лечили переломы. Другого материала под рукой, к сожалению, сейчас нет. Если в первые три-четыре дня не будет отторжения или другого негатива, может, будешь ещё ездить верхом на коне к девушкам в соседнюю станицу.

– Спасибо, доктор.

Через пару месяцев этот парень будет ходить, чуть прихрамывая, но на своих двоих...

Летом 1945 года Дюсен Кудабаев вернётся с Победой домой к своей Назифе и дочери Светлане. У него ещё родятся двое сыновей – Тимур и Кайрат и дочь Дильда. Дети нередко спрашивали отца о войне, но, будучи безгранично добрым, светлым человеком, он не хотел ранить их детские души и не любил рассказывать о тех днях. Дюсен Курманбаевич будет работать в Институте физиологии и, занявшись научными изысканиями, успешно защитит степень кандидата наук. Позднее завершит работу над докторской диссертацией, но, к сожалению, не успеет её защитить в связи с безвременной кончиной в 1962 году. В настоящее время его дочь Светлана и сын Тимур проживают в Алматы, сын Кайрат – в Лондоне. У Дюсена Курманбаевича растут внуки и правнуки.

Память о Дюсене Кудабаеве, как и обо всех военных врачах, которые спасали жизни людей на фронтах войны, об их самоотверженном труде навсегда останется в сердцах благодарных потомков, являясь ярчайшим примером милосердия и героического исполнения врачебного долга.

